

Феномен рациональности в контексте культурно-исторического анализа

В.В. Ходыкин¹, Т.Г. Стоцкая²

¹ Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева», Самара, Россия

² Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 06.02.23

В окончательном варианте: 31.03.23

■ Для цитирования: Ходыкин В.В., Стоцкая Т.Г. Феномен рациональности в контексте культурно-исторического анализа // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 2. С. 69–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.8>

Аннотация. В предлагаемой статье проводится анализ феномена рациональности, главным образом, в культурно-историческом контексте в процессе академических исследований. Рациональность позиционируется в качестве универсальной компоненты любого исследовательского процесса. Акцентируется внимание на том, что сам по себе феномен рациональности в рамках культурно-исторического контекста в аспекте методологических исследований пока еще недостаточно четко разработан. В свою очередь, многоаспектность культурно-исторического развития способствует исследовательскому интересу к феномену рациональности как к всеобъемлющей полномасштабной форме демонстрации социального опыта в интенциональном сознании субъекта рефлексии.

Ключевые слова: дискурс; язык; культура; история; субъект; смысл; понимание; интерпретация; текст.

The phenomenon of rationality in the context of cultural and historical analysis

V.V. Khodykin¹, T.G. Stotskaya²

¹ Samara National Research University named after acad. S.P. Korolev, Samara, Russia

² Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 06.02.23

Revision submitted: 31.03.23

■ For citation: Khodykin V.V., Stotskaya T.G. The phenomenon of rationality in the context of cultural and historical analysis. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(2):69–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.8>

Abstract. The proposed article analyzes the phenomenon of rationality, mainly in the cultural and historical context in the process of academic research. Rationality is positioned as a universal component of any research process. Attention is focused on the fact that the phenomenon of rationality in itself within the cultural and historical context in the aspect of methodological research has not yet been clearly developed. In turn, the multidimensional nature of cultural and historical development contributes to the research interest in the

phenomenon of rationality as a comprehensive full-scale form of demonstration of social experience in the intentional consciousness of the subject of reflection.

Keywords: discourse; language; culture; history; subject; meaning; understanding; interpretation; text.

Актуальность выбранной в данной статье темы для обсуждения в значительной степени базируется на том, что сам по себе феномен рациональности в рамках культурно-исторического контекста в аспекте методологических исследований отечественной и зарубежной академической рефлексии пока еще недостаточно четко разработан. Но при этом широко известным является тот факт, что фундаментальные философские экспликации оказывают порой решающее влияние на формирование содержания духовной сферы жизни социума в целом. Более того, ведущие философские концептуальные построения определенного времени играют ключевую роль в формировании полноценного облика духовной культуры каждой отдельно взятой исторической эпохи в развитии человечества. Как полагает Э.В. Ильенков, «философия концентрирует в себе известный способ мышления, известную логику мышления и проясняет ее для самого мыслящего человека» [1, с. 19].

Учитывая данное обстоятельство, надо сказать, исследовательский дискурс относительно рациональности в культурно-историческом контексте явно несет в себе необходимость обращения как к естественно-научному, так и к гуманитарному познанию. Одной из важнейших проблем в данной области исследований является то, что гуманитарное знание, приобретая привычные для нас очертания еще с начала XX века, в процессе своего соприкосновения с современными научными методами оказывается перед необходимостью постоянного обращения к своим истокам в целях закрепления за собой статуса научности. В силу данных обстоятельств, даже относительно философских оснований гуманитарного познания возникает необходимость весьма детальных исследований. При этом само по себе исследование рациональности гуманитарных отраслей науки должно прояснить статус гуманитарной составляющей в философской рефлексии и в современном культурном пространстве в целом.

В этой связи важно признать наличие весьма внушительного объема пока нерешенных проблем относительно гуманитарного познания. Актуальность таких проблем со времени их возникновения будет только нарастать. Ярким примером здесь может служить степень зависимости гуманитарной науки от естественной или точной науки, главным образом математики и физики. Другим показательным примером здесь выступает недостаточная четкость границ гуманитарной и негуманитарной составляющей в экономике, связанная с точностью расчетов в рамках маркетинговых исследований в тесной связке с человеческим фактором. Таким образом, усиливается актуальность подробного философского анализа «научности» гуманитарного познания. Это явно подтверждает недостаток исследований в области философских оснований гуманитарной науки, несмотря на наличие весьма ощутимых трансформаций под давлением требований современной эпохи.

Существенным нюансом здесь выступает то, что гуманитарное познание в значительной степени оказалось аналогом естествознания. Речь в данном случае идет о том, что гуманитарная составляющая науки выстраивалась

с учетом идеалов и норм математической точности. Данное обстоятельство делает вполне актуальным исследование всевозможных моделей гуманитарного знания, начиная с классического образца социологии времен Огюста Конта и вплоть до синергетических концепций в духе постнеклассической научной рациональности. Такого рода уточнения позволяют говорить об аналогии с уже известными типами научной рациональности в естественной науке. Но, конечно, данные нюансы не означают, что гуманитарное познание в методологическом аспекте полностью обязано естествознанию. Богатая история философии показывает немало самобытных концептуальных построений в сфере культуры на базе философской интуиции и без явной аналогии с математикой или физикой. Здесь достаточно вспомнить известные труды А. Бергсона, В. Дильтея, М. Вебера, О. Шпенглера, Э. Кассирера, А. Койре, К. Мангейма, К. Поппера, И. Пригожина, Б. Рассела, Г. Риккорта, М. Фуко, А. Шутца Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера в некоторой аналогии с весомыми достижениями ключевых отраслей естествознания последнего столетия. Наглядным подтверждением тому могут служить также хорошо известные работы в области философии и методологии научного исследования Т. Куна, С. Тулмина, П. Фейерабенда, К. Хюбнера, Л. Лаудана. Данные детали явно способствуют прояснению роли философских оснований в формировании гуманитарного знания. Также приводимые здесь аргументы помогают отчетливее определить степень взаимозависимости гуманитарной и естественной науки.

При всем том современный уровень развития науки обеспечивает возможность исследований ранее недоступных науке областей на постулатах рациональности. Так, детальный анализ поведения самоорганизующихся систем из биологии и физики был перенесен на социальные организмы и общество в целом. Подобного рода достижения стали возможными буквально в последние десятилетия. А статус научности данных исследований явно остается открытой проблемой, вызывающей к полномасштабным дискуссиям в этой области. Все это только подтверждает актуальность проведения исследовательского дискурса на ведущих постулатах современной рациональности.

Из уже сказанного вытекает и другая весьма актуальная и непростая проблема для современной философии, заключающаяся в синтезе гуманитарного в частности и научного знания в целом. А возможности для решения данной проблемы многие современные философы и ученые и видят для себя в формировании новой мировоззренческой картины с привлечением синергетической концепции. Словом, неоднозначность статуса гуманитарной науки в современной культуре, включая все сложности, возникающие на пути построения точных теорий в отношении социально-антропологической действительности, оказывается, обходить стороной все труднее и труднее.

Словом, особую актуальность рассматриваемая проблема приобретает в рамках той сложившейся культурно-исторической ситуации, которую на языке современной философии постмодерна принято именовать при помощи уже таких хорошо известных выражений, как «конец истории» или «конец науки». Но при всей своей аргументированности постулируемое рядом мыслителей так называемое «исчерпание» потенциала рациональности со стороны исследовательского дискурса едва ли можно считать очевидным. Современное понимание феномена рациональности в значительной степени основывается

на синтезе со значимыми «классическими» исследовательскими стратегиями в подходе к анализу бытия, рефлексии и познания.

В целом, все известные к настоящему времени типы рационального подхода к построению картины мира как неотъемлемому атрибуту культурно-исторического развития можно рассматривать определенного рода следствием понимания, главным образом в сообществе методологов научного исследования, релятивного аспекта всего комплекса обретаемого знания о конкретных изучаемых объектах. Само по себе научное познание со всей неизбежностью находится в процессе постоянного выбора посредством детального анализа соответствующих гипотез, теорий, методов, программ как уже широко известных в научном сообществе, так и новых, требующих всестороннего обсуждения с целью их возможного последующего превращения в одни из ведущих парадигмальных ориентиров. Значительную роль во всем этом играет как раз интерес исследователей к научной картине мира.

При этом в последнее время наблюдается постепенное обращение взоров методологов научного исследования от традиционных созерцательных когнитивных в сторону так называемых конструктивистских или деятельностных теорий. Таким образом, все больше сторонников в рамках сциентизма приобретает критический взгляд на так называемый голый методологизм и операционализм. Более содержательным и глубоким начинает восприниматься подход, акцентирующий всеобщее внимание в сообществе методологов науки на онтологических и даже субъективных аспектах научного исследования. А это уже, в свою очередь, требует еще более детального и содержательного обращения к культурному аспекту, накопленному весьма обширному и глубокому материалу самых различных отраслей науки.

Фактически любая картина мира в культурно-историческом контексте чаще всего исследователями связывается с неким весьма обширным и содержательным видением потенциальным субъектом в лице конкретного человека или объединений людей окружающей действительности, которая повседневно складывается в сознании и формирует наш жизненный опыт. Все это означает, что наш повседневный контакт с действительностью, всевозможная активная деятельность формируют наш общий кругозор, интересы к самым различным аспектам мира вокруг нас, а также тесно связанные с этим эмоциональные переживания. Но, по признанию ведущих методологов науки, наиболее существенный вклад в развитие наших знаний о мире вокруг нас связан, главным образом, с фактором рациональности, присутствующем в академических исследованиях. Хотя многое в данном контексте далеко не однозначно. Как полагает Б.И. Пружинин, «...проблем, в том числе экзистенциальных, наука породила... не меньше, чем решила, да и само научное знание оказалось не столь рациональным, как это представлялось прежде» [7, с. 9].

Можно полагать, что ход рефлексивных изысканий в подобном направлении поможет нам на некоторое время оставить за скобками так называемые абстрактно-обезличенные подходы к методологии познания, которые весьма присущи традиционной гносеологии. А это в свою очередь позволит в значительной степени сконцентрировать наше внимание на так называемых «проективных» и, если угодно, антропологических аспектах познавательного процесса. А сами по себе антропологические аспекты когнитивного процесса, как

широко известно в отечественных и зарубежных исследовательских кругах, выступают весьма значимым компонентом, формирующим универсалии культуры. Причем ряд исследователей (Аверинцев С.С., Бахтин М.М., Гуревич А.Я., Лосев А.Ф., Лотман Ю.М., Мелетинский Е.М.) в данном контексте подходят к рассматриваемой проблеме универсалий культуры несколько шире, главным образом с социально-практической точки зрения.

Но в целом можно говорить о том, что повседневное соприкосновение человека как субъекта рефлексии с окружающей действительностью или с ее отдельными элементами формируют в сознании исследователя некую целостную и сложно организованную картину мира. Столь сложная структура такой картины мира, как подтверждает опыт многих исследований, позволяет рефлексизирующему субъекту ориентироваться в более детальном его анализе каких-то конкретных аспектов действительности. Все это предоставляет возможность проводить необходимую классификацию, объединение каких-то схожих по целому ряду критериев элементов в отдельные группы, в том числе по специфике их влияния на человека. Таким образом, если так можно выразиться, формируются определенного рода «смысловые узлы» единой сложной структуры мироздания, которые, на самом деле, *arguōi* могут существовать помимо воли и осознания их субъектом.

Примечательно, что в отдельные периоды исторического развития у исследователей разного профиля наблюдается стремление мыслить в рамках естествознания, несмотря на присущую им рефлексивность в отдельные периоды их исторического развития у исследователей разного профиля есть стремление мыслить также и в рамках естествознания. В частности, М. Хайдеггер утверждает, что «природа берется... не только в узком современном смысле, — скажем, как предмет научного естествознания, но и в более широком — преднаучном смысле... — это владычество сущего в целом... испытывается человеком во всем, что происходит с ним самим, узнается на собственном опыте...» [9, с. 115].

Соответственно, надо полагать, что уже изложенное позволяет нам в данном контексте говорить, скорее, о доминанте общих социальных ориентиров, установок и принципов над данными личного индивидуального опыта субъекта в лице конкретно взятого человека в его воззрениях на окружающее бытие. А в этой связи в силу своей универсальной для всех людей сущности подобные социальные ориентиры вполне могут похвастаться в глазах конкретных индивидов особой организующей способностью в достижении кумулятивного эффекта в рефлексивном и когнитивном процессах. Как рассуждает М.А. Киссель, философия «...утверждает реальность мысли в качестве объекта философской рефлексии и действенного фактора человеческого повседневного поведения и культуротворчества» [2, с. 104].

В целях достижения максимальной объективности нашего исследования полезным будет отметить весьма весомый вклад в анализ феномена рациональности как одного из элементов культуры со стороны лингвистического, семиологического, а также культурологического аспектов. К примеру, в рамках отечественной исследовательской традиции рассматриваемого феномена можно отметить ощутимые успехи в области культурологии посредством, если так можно выразиться, воссоздания целого комплекса элементов, присущих, главным образом, архаическому сознанию. Уникальной исследовательской базой

в данном случае послужили прежде всего материалы исследований фольклора (в том числе такие древние образования, как мифы, легенды, сказания о героях) целого ряда народов с весьма продолжительной историей их развития. Широко известные в настоящее время такие категории, как «готовый трафарет», «картина мира» или «мифологема» стали предметом научного исследования, в значительной степени в рамках детального анализа особенностей имевшего место целостного взгляда на окружающий мир со всеми его неотъемлемыми аспектами со стороны наиболее древних социальных образований. Но в целом результаты ведущих (Бахтин М.М., Золотарев А.М., Франк-Каменецкий И.Г., Фрейденберг О.М.) исследований в рассматриваемой области повествуют на концептуальном уровне о картине мира, главным образом базирующейся на так называемой специфической интегративной системе. Такого рода интегративная система духовного мира архаических социумов помогает исследователям проникнуть в сущность многих древних артефактов. При этом очевидная, с современной точки зрения, внешняя простота в композиционном исполнении древних артефактов активно способствует детальному исследованию содержания глубин духовного мира социума, его вызовов и возможных ответов на них. Таким образом, архаичный язык таких артефактов, служивший средством общения внутри социумов того далекого времени, стал для современных исследователей своеобразным ключом к пониманию глубинного смысла, скрытого в тех произведениях искусства.

В рамках проводимого исследования феномена рациональности интересным представляется уделить внимание представлениям рефлексивного субъекта об окружающей действительности. Данный аспект интересен в силу того обстоятельства, что человек такими представлениями наполняет содержание своего сознания, в значительной степени определяет ими ход рефлексии, влияя на принимаемые решения, на поведение в конкретных ситуациях и на течение жизни в целом. Развивая данную мысль, заметим, что картина мира в разные исторические эпохи для субъекта может присутствовать в объективированном (видимом) и необъективированном (невидимом) аспектах. В объективированном состоянии данный элемент определенным образом присутствует в языке, артефактах, каких-либо культовых действиях, оказывая влияние на самые разные аспекты жизни людей. При этом необъективированное состояние картины мира, скорее, связано с наличием определенного рода явно неосознанных элементов, стимулирующих и направляющих различные эвристические интенции рефлексивного сознания.

Осознание наличия двух аспектов сущего позволило исследователям подходить к анализу с разных сторон. Весьма показательно здесь то, что у некоторых мыслителей вполне обоснованно вызвала интерес сама возможность выявить невидимый или необъективированный аспект с опорой на видимый или объективированный. В данном случае речь идет прежде всего о глубинном смысле разного рода артефактов, доступных непосредственному наблюдению. Интересно будет в развитии сказанного в качестве весьма наглядного примера обратиться к достижениям отечественных мыслителей в области исследований мифологии. По мнению А.Ф. Лосева, «в мифе берется осмысляющая, оживляющая сторона вещей, та, которая делает их в равной мере отрешенными от всего слишком обычного, будничного и повседневного» [4, с. 73].

Таким образом, проводимый в данном контексте язык анализа феномена рациональности сквозь призму культурно-исторического различия в целом способствует формированию в нашем сознании представлений на идейном уровне о присутствии вокруг нас разного рода элементов и об их основных характеристиках, составляющих во всей их совокупности единую картину мира. В среде мыслителей весьма распространена точка зрения о том, что основной задачей исследований в этой области, и прежде всего в рамках метафизического или онтологического подхода, как раз выступает выявление и летальный анализ глубинных сущностей разного рода составляющих окружающей нас действительности. В частности, в рамках онтологического подхода к исследованию когнитивного процесса можно попытаться провести некую аналогию между таким фундаментальным компонентом познания, каким является картина мира и языком, который в свою очередь, по инициативе В. Гумбольта, рассматривался в качестве своеобразного мировидения. А картина мира в данном контексте в некотором роде вырисовывает вокруг себя некую сферу видения бытия, покидание пределов которой означает только лишь попадание в иную сферу взглядов на мир или иной аспект интересов исследователя. Такая эпистемическая специфика картины мира в значительной степени говорит о ее солидном эвристическом потенциале в целом и интерпретативном потенциале в частности.

На протяжении истории развития академического дискурса в рамках эпистемологии и философии науки очень многие элементы или аспекты окружающей действительности часто оказывались для исследователей и для общества в целом неактуальными, преждевременными или вовсе не удостоивались какого-либо внимания. Как показывает опыт развития познания, такие компоненты попадают под прицел исследователей в процессе фундаментальных мировоззренческих изменений, в глубинных трансформациях в универсалиях культуры, смене парадигмальных ориентиров в существующем типе рационального освоения человеком окружающей действительности. В данном случае даже напрашивается вывод о том, что определенный консерватизм на каком-то этапе развития когнитивного процесса может послужить весьма ощутимым стимулом к фундаментальным изменениям эволюционного или революционного характера в существующем восприятии бытия.

Приводимые аргументы позволяют понимать феномен рациональности как некую универсальную компоненту культурно-исторического развития социума в целом со всеми динамичными структурными образованиями. А в силу того, что картина мира лежит в основе мировосприятия человеком, она постоянно, если так можно выразиться, находится в состоянии постоянной артикуляции в индивидуальном и общественном сознании. При этом субъект исследовательской деятельности в лице отдельно взятого индивида или целой группы единомышленников активно использует уже имеющиеся рефлексивные, когнитивные или аксиологические постулаты в качестве ориентиров в своей эвристической практике, пропуская их через аналитическое сито собственного опыта. Таким образом, на фоне имеющих место парадигмальных и эпистемических ориентиров картины мира и универсалий культуры исследовательское сообщество в целом и его представители по отдельности получают весьма перспективные возможности для позиционирования себя как своеобразного неповторимого субъекта рефлексивной и когнитивной деятельности.

Следует также заметить, что субъект исследовательской деятельности регулярно совершает анализ феномена рациональности, тем самым активно участвуя в постоянном расширении его влияния на эмпирическом и теоретическом уровнях. По сути дела, всевозможные универсальные для всего общества ориентиры пропускаются через аналитическое сито отдельно взятого субъекта в лице конкретного индивида, обращаясь в определенную позицию или точку зрения относительно какого-то вызывающего споры вопроса. Подобного рода явление М.М. Бахтин еще характеризовал как момент, оформляющий и провоцирующий «личное обстояние». Вместе с тем, как хорошо известно, со всей неизбежностью наступают моменты, когда возникающие новые элементы в жизни социума, в частности, научные открытия перестают вписываться в традиционные укоренившиеся в сознании людей установки, ориентиры, какие-либо культурные нормы.

Все это порой требует весьма кардинальной перестройки сознания субъекта, а также методики проводимых научных исследований. Как уже говорилось, в эпистемологии подобные моменты именуют научными революциями. Отдельному мыслителю или ученому, может быть, небольшой их группе в какой-то момент времени приходится видеть дальнейший ход проводимого исследования каким-то отличным образом от уже для всех привычного. Другими словами, в данном случае речь идет о новаторстве в разных аспектах жизни социума, в частности в интеллектуальной деятельности. В целях дальнейшего развития данного аспекта проводимого исследования, возможно, есть основания очертить некую специфическую типологию категориальных структур.

В данном контексте важно признать, что в целом исследования внушительного когнитивного категориального инструментария довольно однозначно говорят о его так называемой двойственной интегрированности в различные аспекты социальной жизни. Соответственно, речь в данном случае идет, главным образом, о практическом и духовном аспектах нашей жизни. Показательно то, что подобные образования духовной и материальной культуры зарождаются в социальной жизни весьма стихийно. Если говорить конкретнее, то подобное формирование осуществляется в недрах общественного и индивидуального сознания как универсальных и целостных образований нашего внутреннего мира. А целенаправленная рефлексия по этому поводу вначале выявляет и эксплицирует такие образования, а затем подвергает детальному анализу. При этом рассматриваемые нами категории, как известно, присутствуют исключительно в рамках исторического контекста всевозможных типов мировоззрения. В этой связи такие категориальные структуры выступают неотъемлемой частью квинтэссенции исторических метаморфоз феномена рациональности, помогая рефлексующему разуму субъекта ориентироваться в сложившихся мировоззренческих установках. Здесь можно говорить о прямой зависимости широты и глубины демонстрации определенного исторического своеобразия содержания каких-либо категорий культуры от полноты философской рефлексии относительно присущего конкретной эпохе развития человечества культурного пласта.

Следовательно, культурная составляющая в контексте исследований феномена рациональности связана с максимально детальным выявлением социально-исторических особенностей развития академических исследований в аспекте их

комплексного анализа совместно со всевозможными аксиологическими структурами какого-то конкретного типа интересующего нас феномена в рамках определенной эпохи. В данном случае подразумевается, главным образом, присутствие в любом исторически сложившемся в обществе типе восприятия мира фундаментальной теоретической основы в виде доминирующих идей, всевозможных социальных норм, идеалов, формирующих базовые ценности конкретной эпохи, которые становятся для людей важнейшими всесторонними ориентирами и принципами, в том числе в рефлексивной и когнитивной практике.

В целом, известным фактом можно считать то, что на протяжении всей своей истории развития когнитивный процесс в каждую отдельно взятую эпоху формирует соответствующий ей алгоритм восприятия и анализа окружающей человека действительности. А в центре такой специфической методики освоения мира в роли особого связующего звена, придающего такой теоретико-практической конструкции системный характер, всегда располагается весьма своеобразное универсальное мировоззренческое представление или даже целая их совокупность. В качестве примеров в данном контексте обычно приводят античность в совокупности с ее широко известной идеей гармонии мироустройства или Космоса, средневековье с центральной идеей творения сверхъестественной силой или Богом всего мира и человека из ничего, затем Новое время с его особым представлением о природе и человеке как о самых совершенных творениях, нуждающихся в развитии взаимоотношений на основе просвещенного рационального или прагматичного подхода друг к другу.

Здесь также полезно будет вспомнить о том, что всевозможные стадии перехода от одной исторической эпохи к другой в интеллектуальном развитии человечества всегда в той или иной форме актуализируют рефлексию относительно феномена рациональности. В такие моменты проблема пересмотра существующих категорий, их значения становится особенно актуальной. В значительной степени это может быть связано с тем обстоятельством, что содержание категорий несет в себе всю совокупность достижений человечества какой-то исторической эпохи или их совокупности, формируя тем самым бесценный жизненный опыт. При этом переходные моменты в освоении человеком мира, прежде всего на рациональной основе, как уже говорилось, связаны с революционными изменениями в философской рефлексии и в ходе исследований в фундаментальных отраслях науки, что, в свою очередь, актуализирует проблему разработки необходимого категориального инструментария. В качестве ярких примеров в данном контексте можно приводить известные начавшиеся еще на исходе эпохи Ренессанса научные революции, большинство из которых сопровождалось последовательной сменой типов научной рациональности. Подобного рода революционные изменения, связанные с разработкой и применением новых исследовательских программ и категориального инструментария, постепенно привели от аристотелевско-схоластического понимания мира посредством всеобщих универсалий с относительно малой долей конкретики к куда более близкому современному видению действительности сквозь призму активного развития наблюдения и эксперимента в науке и детальному и всеобъемлющему их анализу в рамках философской эпистемологии.

При этом надо признать тот факт, что философский категориальный аппарат не является хронологически первым в истории освоения человеком

мира. Широко известно, что философской рефлексии предшествуют более ранние формы освоения действительности, выступившие в роли ключевых мировоззренческих ориентиров. В качестве примеров в данном случае можно приводить категории мифов и религий наиболее древних народов. В частности, в академической философской литературе можно встретить рассуждения о том, что в древнем мире философская рефлексия не проводила четких разграничительных линий между собственно философскими конструкциями и философемами. В этой связи в качестве примеров можно назвать следующие: справедливость как число, помноженное на себя, досократиков; пифагорейскую гармонию души; пифагорейскую тождественность мысли о предмете и предмета мысли; слово как тень дела у Демокрита. На этом фоне М.К. Мамардашвили справедливо рассуждает об истоках философии как форме рационального мировоззрения: «Что не само собой разумеется? Что мир вообще есть проблема. Поскольку, чтобы что-то стало проблемой, нечто должно быть непонятным» [5, с. 39].

Вместе с тем сложившаяся на протяжении всей истории академических исследований традиция рассмотрения феномена рациональности как элемента культуры требует от философии формирования элементов культуры требует от философской рефлексии поэтапного подхода. При этом первыми в истории развития философской рефлексии продуктами рационального обоснования феномена рациональности выступают даже не соответствующие понятия, а, главным образом, метафоры или смыслообразы. В качестве широко известных примеров подобных образований можно указать «даршану», «дхарму», «дао», «космос», «логос», «нус». Со временем глубокий философский анализ культурных компонент стал порождать особого рода идеальные объекты. Последние, в свою очередь, обладая весомой смысловой нагрузкой, при их детальном исследовании стали нуждаться в особом языке в виде соответствующих систем категорий, обеспечивающих их дальнейшую экспликацию. Все это в значительной степени способствует поэтапному теоретическому построению как в индивидуальном, так и в общественном сознании необходимой категориальной базы для формирования очередной картины мира.

Правда, при этом ни в коем разе нельзя утверждать, что подобные смысловые конструкции потеряли свою актуальность в современную эпоху. Они по-прежнему находят свою актуальность как в академической философской среде, так и в повседневной нашей действительности. В результате можно говорить о том, что философемы, первоначально акцентируя наше внимание на каком-либо элементе окружающей действительности, выступают необходимой базой, движущей силой зарождения процесса рефлексии на рациональной основе. Особая роль философского категориального аппарата на фоне всей совокупности различных компонент культуры прослеживается в том, что рефлексивные категории как важнейший инструмент обобщения и систематизации окружающей действительности свойственны рефлекслирующему разуму субъекта в любом возрасте от детства до глубокой старости.

Для углубления в предметную область феномена рациональности в качестве одной из ключевых компонент культуры полезным в данном случае будет обращение к мировоззренческой сущности в целом. В этих целях важно четко определить различия в изначальных постулатах научного познания,

осуществляемое по специальному алгоритму и методике, и познания обыденного или неспециализированного, протекающего, главным образом, спонтанно, вне каких-либо явно заранее заданных рамок. Сказанное позволяет полагать, что выявление различий в протекании научного и обыденного познавательного процессов не должно нести в себе каких-либо существенных сложностей. В этой связи можно выделить целый ряд отличительных особенностей в обыденном и научном познании. Среди таких особенностей просматриваются ориентир на обретение предметного объективного знания, а также его прогностический характер. Научные исследования нацелены на раскрытие объективных законов в разрезе всевозможных аспектов окружающего нас бытия, его становления, функционирования и развития, что позволяет ученым делать прогнозы на будущее относительно функционирования и развития подобных законов. Более того, иногда ученым удается и весьма успешно делать прогнозы относительно того, какие новые объекты смогут в будущем стать доступными для серьезных академических исследований.

В целом, детальный анализ системы когнитивных категорий, по сути дела, позволяет нам проиллюстрировать присутствие постоянного стремления познавательного процесса преодолеть границы повседневного опыта. А это, в свою очередь, обнажает проблему, связанную с присутствием на границах человеческого опыта когнитивных категорий как специфических предпосылочных структур или всевозможных обобщающих схем и подходов к различным объектам, как бы предшествующих фундаментальным академическим научным исследованиям.

В частности, если подходить к рассматриваемой проблеме более содержательно, то применительно к современной постнеклассической науке и соответствующему ей типу рациональности речь следует вести, главным образом, об исследовании так называемых саморазвивающихся объектах и их совокупностях. Такого рода объекты по своему составу и структуре, безусловно, являют собой весьма объемные и сложные системы. Прежде всего они являются объектами самого детального исследования отраслей естествознания. В качестве примеров в данном случае можно приводить весьма многочисленные исследования в области развития квантовой теории, молекулярно-кинетической теории газов, статической термодинамики, генетики и геной инженерии, клонирования, радиоактивности и использование атомной энергии.

Дело в том, что на исходе эпохи Просвещения еще не возникло острой необходимости в рамках естественнонаучных исследований в подобной категориальной сетке [6, с. 318]. Разнообразный материал, полученный в результате глубоких исследований в области истории культуры, со всей очевидностью, демонстрирует нам специфическую окрашенность универсальных категорий. Все это дает нам необходимые основания рассматривать имеющуюся категориальную рефлексивную конструкцию как нечто органически сочетающее в себе специфические атрибутивные черты действительности с ее историческими аспектами. Последние можно воспринимать как совокупность чего-то преходящего, отражающего основные особенности какого-либо социума отдельно взятой исторической эпохи со всеми свойственными ей нюансами общественных отношений и таких широко известных их регуляторов, как мораль, религия или право.

Хорошо известно, что сменяющие друг друга типы рациональности демонстрируют специфические для отдельно взятой исторической эпохи культурные постулаты, которые очевидным образом могут не формулироваться. Соответственно, культурные элементы проявляются сквозь призму всевозможных аспектов интеллектуальной активности, в том числе, благодаря устоявшимся в человеческом сознании духовным ориентирам, нормам, правилам. По сути дела, в данном случае речь идет о некоей универсальной для социума системе отсчета, которая в какой-то степени определяет имманентное содержание сознания в его банальной повседневности, а также ход и направление интеллектуальных усилий отдельных субъектов. Таким образом, любая категория культуры несет в себе весьма солидный исследовательский интерес, тем самым всегда задавая некие его границы, отражаемые в сознании субъекта. В свою очередь, такие границы или очертания в значительной степени определяют ход и возможные конструктивные направления эвристических интенций субъекта.

Как можно наблюдать в процессе проводимого исследования феномена рациональности, имеет место ощутимое отличие в содержательном наполнении культурно-исторического процесса [3, с. 29]. Различия систем категорий можно наблюдать, к примеру, как между западной и восточной цивилизационными парадигмами, так и внутри каждой из них [8, с. 7]. Соответственно, при сравнительном анализе самых разных вариаций отражения мира в системах категорий в самые разные исторические эпохи можно обнаружить, что их вариативность обуславливается описанием понимания отношения человека к миру, выявления места и роли человека в окружающей действительности. Так западная цивилизационная парадигма базируется на наличии активно действующего субъекта, преобразующего окружающее пространство под свои нужды. С этим контрастирует наличие пассивного созерцательного субъекта в основе восточной цивилизационной парадигмы. Вопреки западному восточный субъект занят рефлексией по поводу совершенствования своего внутреннего духовного мира в целях поиска гармоничного события с окружающим миром, главным образом с природой.

В этой связи можно говорить о том, что феномен рациональности вместе с сопутствующими ему категориями являют собой весьма своеобразные парадигмальные ориентиры для различных социально-культурных образований и исторических периодов их развития, способствуя детальному анализу восприятия основных элементов во взаимоотношениях разума субъекта и окружающего его мира. В качестве таких элементов для человека могут выступать поиск своего места в этом мире, специфика принимаемых им ценностей, идеалов, норм, словом, основные ориентиры в принятии решений, совершения поступков, стиля, образа жизни. Это означает, что устоявшаяся в определенном социуме картина мира и способствующая развитию какой-либо ей свойственной духовной ориентации отдельных людей, фактически организует формирование определенного общества и присущего ему типа личности. Таким образом, категориальные системы по отношению к картине мира выступают чем-то вроде специфических социальных программ, которые, в свою очередь, активно способствуют выполнению конкретными людьми своих обязанностей перед обществом, в котором они формируются в самостоятельные личности. В этом аспекте рассмотрения картина мира выступает в качестве весомого

познавательного компонента, который в той или иной степени в переработанном и дополненном состоянии передается от поколения к поколению.

Подводя итоги нашего исследования, надо признать, что феномен рациональности как неотъемлемый элемент культурно-исторического развития, присутствующий в рефлексующем разуме субъекта, играет ключевую роль в деле интеграции каждого без исключений индивида в окружающую действительность и ее дальнейшем преобразовании под нужды личности и общества. Рассматриваемый процесс преобразования окружающей действительности в нашем случае связан, главным образом, с формированием соответствующих целей, установок, норм, идеалов, ценностей как наиболее важных мировоззренческих ориентиров в индивидуальном, групповом и общественном сознании. А возникающие в мировоззрении новые идеалы, ценности, установки, нормы поведения, ориентиры, проникающие в сознание индивидов, превращаются в основные факторы, способствующие происходящим переменам, прежде всего, духовного характера в индивидуальном и общественном сознании. Таким образом, речь идет о фундаменте картины мира, о центральных мировоззренческих ориентирах для общества в целом, отдельных людей и социальных групп в частности. Все это активно помогает индивидам и их объединениям находить свое место и играть свою роль в обществе, обеспечивая его устойчивое развитие и жизнеспособность.

Список литературы

1. Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
2. Киссель М.А. *Метафизика в век науки: опыт Р.Дж. Коллингвуда*. СПб.: «Искусство – СПб.», 2002. 304 с.
3. Леви-Строс К. *Печальные тропики*. М.: Мысль, 1984. 220 с.
4. Лосев А.Ф. *Философия. Мифология. Культура*. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
5. Мамардашвили М.К. *Мой опыт нетипичен*. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
6. Мотрошилова Н.В. *Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма*. М.: Наука, 1984. 348 с.
7. Пружинин Б.И. *Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 423 с.
8. Томпсон М. *Восточная философия*. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 384 с.
9. Хайдеггер М. *Что такое метафизика?* М.: Академический проект, 2007. 303 с.

References

1. Ilyenkov EV. *Philosophy and culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
2. Kissel MA. *Metaphysics in the Age of Science: The Experience of R.J. Collingwood*. Saint Petersburg: «Art – Saint Petersburg»; 2002. 304 p.
3. Levi-Strauss K. *Sad Tropics*. Moscow: Thought; 1984. 220 p.
4. Losev AF. *Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow: Politizdat; 1991. 525 p.
5. Mamardashvili MK. *My experience is atypical*. Saint Petersburg: ABC, 2000. 400 p.
6. Motroshilova NV. *Hegel's path to the «Science of Logic». Formation of principles of consistency and historicism*. Moscow: Science; 1984. 348 p.
7. Pruzhinin B.I. *Ratio serviens? Contours of cultural and historical epistemology*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2009. 423 p.
8. Thompson M. *Eastern philosophy*. Moscow: FAIR-PRESS; 2001. 384 p.
9. Heidegger M. *What is metaphysics?* Moscow: Academic Project; 2007. 303 p.

Информация об авторах

Владимир Владимирович Ходыкин — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, Самара, Россия. **E-mail:** vkhodykin@yandex.ru

Татьяна Геннадьевна Стоцкая — доктор философских наук, профессор кафедры философия и социально-гуманитарные наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** stotskaya@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir V. Khodykin — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University named after acad. S.P. Korolev, Samara, Russia. **E-mail:** vkhodykin@yandex.ru

Tatyana G. Stotskaya — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences of the Samara State Technical University, Samara, Russia.
E-mail: stotskaya@yandex.ru